

**Синтаксическое кодирование
экспериментальных ситуаций в русском языке:
сопоставление групп глаголов восприятия, мышления и эмоций**

© 2019

Мария Александровна Овсянникова

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург,
Россия; masha.ovsjannikova@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются группы русских экспериментальных глаголов восприятия, мышления и эмоций. Эти группы сравниваются с точки зрения того, насколько среди входящих в них глаголов распространены грамматические свойства, которые связываются с пониженной семантической переходностью ситуации: возвратность, синтаксическая непереходность, объектное кодирование экспериментера, для переходных глаголов — ограничения на образование пассива. На основании типологических иерархий можно ожидать, что из этих трех групп экспериментальных глаголов грамматическое сходство с глаголами, соответствующими прототипу семантической переходности, в наибольшей степени будут демонстрировать глаголы восприятия, в меньшей — глаголы мышления и в наименьшей — глаголы эмоций. Исследование показывает, что в русском языке среди глаголов эмоций действительно значительно более распространены грамматические свойства, свидетельствующие о пониженной переходности ситуаций. Различия между глаголами восприятия и мышления не складываются в единую картину, но примечательно, что ряд свойств свидетельствует о большей семантической переходности глаголов мышления, а не восприятия. Распределения глаголов с точки зрения грамматических свойств в большой степени определяются деривационными отношениями, типичными для каждой из семантических групп. В частности, в группах глаголов восприятия и мышления производящими в основном являются глаголы с подлежащим-экспериментером, а производными — глаголы с подлежащим-стимулом, в то время как в группе глаголов эмоций преобладают обратные отношения производности.

Ключевые слова: глаголы восприятия, ментальные глаголы, рефлексив, транзитивность, экспериментер, эмоции

Для цитирования: Овсянникова М. А. Синтаксическое кодирование экспериментальных ситуаций в русском языке: сопоставление групп глаголов восприятия, мышления и эмоций. *Вопросы языкознания*, 2019, 6: 68–93.

DOI: 10.31857/S0373658X0007547-0

**The syntactic encoding of experiential situations in Russian:
Comparing verbs of perception, cognition and emotions**

Maria A. Ovsjannikova

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia; masha.ovsjannikova@gmail.com

Abstract: The paper examines the groups of verbs of perception, cognition and emotions in Russian. The three groups of verbs are compared in terms of the extent to which they are characterized by grammatical properties associated with lower semantic transitivity, e. g. reflexive marking, syntactic intransitivity,

encoding of the experiencer in the object position and restrictions on passivization for transitive verbs. Typological hierarchies of verb classes suggest that grammatically, verbs of perception are expected to be more similar to highly transitive verbs than verbs of cognition, and verbs of emotion are most likely to deviate from transitive encoding. The study shows that Russian verbs of emotions indeed manifest the grammatical properties indicative of lower transitivity more extensively than verbs of perception and verbs of cognition. There is no systematic ordering between the latter two groups, although many of the grammatical properties point to a higher semantic transitivity of verbs of cognition as compared to verbs of perception. The distributions of verbs in terms of grammatical properties are largely determined by the derivational relations typical of the three groups. In particular, among verbs of perception and cognition, experiencer-subject verbs tend to be basic for stimulus-subject verbs, whereas among verbs of emotion the opposite direction of derivation is predominant.

Keywords: emotions, experiencer, mental predicates, reflexive, transitivity, verbs of perception

For citation: Ovsjannikova M. A. The syntactic encoding of experiential situations in Russian: comparing verbs of perception, cognition and emotions. *Voprosy Jazykoznanija*, 2019, 6: 68–93.

DOI: 10.31857/S0373658X0007547-0

1. Вводные замечания

1.1. Экспериенциальные ситуации: определение и состав

Экспериенциальные ситуации связаны с внутренним миром человека: к ним относятся состояния и реакции, обусловленные воздействием внешних стимулов или физиологическими процессами, различные виды мыслительной и перцептивной деятельности, ср. [Кустова 2004: 211–213; Verhoeven 2007: 1]. В центре внимания данной статьи¹ находятся экспериенциальные глаголы русского языка, которые в основном значении принадлежат к одной из следующих трех семантических зон: восприятия, мышления или эмоций. Глаголы восприятия, например *видеть*, *вслушаться*, *ощущаться*, обозначают взаимодействие человека с окружающим миром посредством органов чувств. Глаголы мышления, например *знать*, *мечтать*, *запомниться*, описывают ситуации создания, получения, хранения и обработки информации. Глаголы эмоций, например *любить*, *испугаться*, *надоесть*, обслуживают сферу реакций и отношений, связанных с оценкой некоторого объекта или ситуации.

К экспериенциальным часто относят также предикаты физиологических ощущений (*болеть*, *знобить*) и желания (*хотеть*) [Кустова 1998: 31; Haspelmath 2001: 62; Verhoeven 2007: 42–51]. Однако многие физиологические ощущения в русском языке описываются с помощью неглагольных предикатов, например *холодно*, *голоден*, или перифрастически (*хотеть есть*, *хотеть пить*), ср. [Bossong 1998: 273], в то время как в данной статье рассматриваются только глаголы. Группа же глаголов желания в русском языке крайне малочисленна. Поэтому эти две семантические группы остаются за рамками исследования.

В разделе 1.2 содержится обзор типологических представлений о семантическом устройстве экспериенциальных ситуаций и обсуждается понятие семантической переходности, играющее ключевую роль в данной статье.

¹ Я благодарю М. Д. Воейкову, А. Б. Летучего, С. С. Сая и Д. Н. Сатюкову за комментарии и замечания к исследованию и тексту данной статьи, а также М. А. Горшкову за помощь в сборе материала. Все решения и возможные неточности, безусловно, остаются на моей совести.

1.2. Участники экспериенциальных ситуаций и семантическая переходность

В ситуациях, которые описываются экспериенциальными глаголами, обычно присутствуют два участника: первый — воспринимающий, мыслящий, реагирующий участник, второй — воспринимаемый, составляющий предмет мыслительной деятельности, вызывающий реакцию участник. В рамках данного исследования первый из этих участников при всех экспериенциальных глаголах будет называться экспериенцером, второй — стимулом, ср. [Кустова 2004: 211–212; Næss 2007: 185; Verhoeven 2007: 35]. В примерах (1)–(3)² в роли экспериенцера выступают участники, выраженные группами *Ирина, ему и всех*, участникам с ролью стимула соответствуют группы *его голос, все вчерашние разговоры, незаметный ребенок*.

- (1) Сначала Ирина **услышала** его голос [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002].
- (2) А тут ему вдруг **вспомнились** все вчерашние разговоры [Ю. О. Домбровский. Факкультет ненужных вещей, часть 1 (1978)].
- (3) Лишь однажды незаметный ребенок всех **удивил** [Александр Григоренко. Ильгет. Три имени судьбы // Урал, 2013].

Семантические свойства участников экспериенциальных ситуаций в типологической литературе обычно рассматриваются в свете представлений о семантической переходности в понимании [Hopper, Thompson 1980]. Если синтаксическую переходность можно считать бинарным противопоставлением, то семантическая переходность является градуальным свойством. Наибольшей степенью семантической переходности обладают ситуации, в которых агенс намеренно, сознательно и эффективно воздействует на пациенс, а последний полностью вовлечен в ситуацию, см. обсуждение этих и некоторых других признаков семантической переходности [Там же]. Такие ситуации составляют прототип семантической переходности, ср. [Dowty 1991; Næss 2007]. Ситуации других типов, в частности экспериенциальные, могут в разной степени и в разных отношениях отклоняться от прототипа семантической переходности, и пониженная семантическая переходность этих ситуаций может отражаться в их морфосинтаксическом кодировании [Hopper, Thompson 1980].

При сопоставлении семантических свойств экспериенцера и стимула со свойствами агенса и пациенса исследователи отмечают, что из двух участников экспериенциальной ситуации экспериенцер, как и агенс, всегда является одушевленным и осознает собственное участие в ситуации³ [Dowty 1991: 579; Bossong 1998: 259; Næss 2007: 188]; стимул, как и пациенс, может быть и одушевленным, и неодушевленным, см. [Bossong 1998: 259]. В то же время экспериенцер, воспринимая стимул, претерпевает внешнее воздействие, что сближает его с пациенсом [Bossong 1998: 259; Næss 2007: 189], а стимул, как и агенс, часто может рассматриваться как начальная точка, причина ситуации [Dowty 1991: 579].

² Все примеры, приведенные в статье, взяты из основного подкорпуса [НКРЯ].

³ Экспериенцер осознает собственное участие в ситуации в силу того, что воспринимает стимул, реагирует на него, в то время как для прототипического агенса осознание собственного участия в ситуации заключается в намерении совершить действие (волиитивности) и контроле за его осуществлением (см., в частности, [Князев 2007: 265], а также обсуждение понятий намерения и контроля в [Зализняк Анна 1992: 63–65]). Существенно, однако, что роли агенса и экспериенцера, в отличие от ролей пациенса и стимула, предполагают обращение к сознанию участника и поэтому оказываются наиболее естественным фокусом эмпатии, ср. [Кирик 2004], о фокусе эмпатии см. [Тестелец 2001: 463–465].

Таким образом, и экспериенцер, и стимул обладают некоторым сходством и с тем, и с другим участником ситуаций, составляющих прототип семантической переходности.

При этом экспериенциальные ситуации значительно различаются тем, насколько выраженным сходством с агенсом или с пациенсом обладает один или другой из участников. В частности, в ряде работ воспринимающий участник при т. н. глаголах активного восприятия (*слушать*, *смотреть* и т. п.) описывается как агенс [Апресян Ю. 1995: 357]; в других исследованиях, при признании у этого участника агентивных свойств, он все же считается экспериенцером (в терминах Е. В. Падучевой — Экспериентом) [Падучева 2004: 203; Кустова 2005: 70–71]. Для многих глаголов эмоций, таких как *успокоить*, *удивить*, *пугать*, могут быть противопоставлены два типа употреблений: агентивные и неагентивные, см. [Апресян В. 2013; 2015: 32]. В агентивных употреблениях одушевленный участник намеренно вызывает реакцию другого одушевленного участника, и эти участники могут рассматриваться как, соответственно, агенс и пациенс. В неагентивных употреблениях неодушевленный или одушевленный участник, действующий неосознанно, вызывает ту или иную реакцию, и в таких случаях более уверенно можно говорить о ролях стимула и экспериенцера. Эти две интерпретации, в частности, может иметь пример (3). Часто случаи смешанных ролевых свойств анализируются в терминах совмещения семантических ролей [Падучева 2004: 281; Храковский 2016]. В некоторых работах вместо роли экспериенцера или наряду с ней используются понятия субъекта состояния, восприятия и т. п., см. [Апресян Ю. 1995: 357; Урысон 1998: 4; Падучева 2004]. Для отдельных типов участника, называемого здесь стимулом, также могут использоваться иные ярлыки: содержание, причина, тема, перцепт и др., см., в частности, [Зализняк Анна 1992: 31–32; Падучева 2004]. Разнообразие представленных в литературе трактовок свидетельствует о значительной условности анализа в терминах семантических ролей и показывает, что можно говорить скорее о большей или меньшей агентивности или пациентивности участников экспериенциальных ситуаций, чем о четких границах между семантическими ролями, например экспериенцера и агенса. Как было сказано выше, в данной работе для описания участников экспериенциальных глаголов будут использоваться только две семантические роли: экспериенцера и стимула. Такой подход создает единое основание для сопоставления всех глаголов, описывающих экспериенциальные ситуации, и позволяет не проводить границу между семантическими ролями, всегда в том или ином отношении условную.

Семантике и грамматическим свойствам русских глаголов восприятия, мышления и эмоций посвящено множество исследований, см., в частности, работы, упомянутые в предыдущем абзаце. В задачи данной статьи не входит семантический анализ отдельных глаголов или их употреблений. В центре внимания здесь находятся прежде всего базовые **грамматические свойства русских экспериенциальных глаголов**, причем такие, которые могут рассматриваться как **отражение большей или меньшей семантической переходности ситуации**, см. [Hopper, Thompson 1980; Bossong 1998].

Соотношение семантических свойств экспериенцера и стимула, а также разнородность экспериенциальных ситуаций приводит к большому разнообразию в их кодировании: языки значительно различаются тем, каким образом кодируются участники при семантически близких экспериенциальных предикатах, в рамках одного языка экспериенциальные предикаты часто распадаются на несколько синтаксических типов [Onishi 2001; Кибрик 2005: 340–341]. В статье [Bossong 1998] выделяются две противоположные стратегии кодирования экспериенциальных ситуаций: генерализующая и инвертированная⁴. При генерализующей стратегии для кодирования экспериенциальной ситуации используется переходная конструкция: экспериенцер кодируется так же, как агенс, стимул — так же, как пациенс, а их отличия от прототипа семантической переходности в кодировании не проявляются. Этой стратегии в первом приближении соответствует кодирование участников при

⁴ Ср. противопоставление канонического и инвертированного типов кодирования экспериенциальных ситуаций в [Кибрик 2005: 340–341].

глаголе *любить* в русском языке. При инвертированной стратегии кодирование экспериенциальных ситуаций отражает направление вектора воздействия от стимула к экспериенцеру: экспериенцер занимает объектную позицию, как при глаголе *радовать*. Эти стратегии могут реализовываться в более или менее полной мере. К промежуточным можно отнести случаи, когда экспериенцер занимает позицию подлежащего, но отличия ситуации от прототипа семантической переходности грамматически проявляются в синтаксической непереходности или возвратности глагола [Ibid.: 262]. При объектном кодировании экспериенцер может занимать позицию прямого дополнения, как пациенс, или оформляться дательным падежом и подобными ему средствами, как реципиент, ср. [Malchukov 2005: 105–106; Luraghi 2014: 111–113, 138]. Этим и некоторым другим грамматическим свойствам экспериенциальных глаголов русского языка, которые можно интерпретировать в терминах семантической переходности обозначаемых ими ситуаций, и посвящена настоящая статья.

1.3. Цель исследования

Цель данной статьи — сопоставить три семантических группы экспериенциальных глаголов русского языка: глаголы восприятия, глаголы мышления и глаголы эмоций — с точки зрения **грамматических свойств**, которые принято связывать со **степенью семантической переходности** ситуации, см. [Hopper, Thompson 1980; Bosson 1998]. Во всех трех группах присутствуют глаголы разных грамматических типов: возвратные и невозвратные, переходные и непереходные и т. п. В каждой из групп наблюдается некоторое количественное распределение глаголов с точки зрения того или иного грамматического признака, например определенное соотношение возвратных и невозвратных глаголов среди глаголов с подлежащим-экспериенцером. Данное исследование направлено на то, чтобы проанализировать подобные количественные распределения на материале представительного множества глаголов каждой из групп и установить, существуют ли между этими группами различия, которые можно интерпретировать в терминах семантической переходности.

Одна из методологических установок исследования состояла в том, чтобы минимизировать семантический анализ отдельных глаголов, который мог бы привести к заключениям о связи их грамматических свойств со значением, сделанным *ad hoc*. Первый этап исследования заключался в формировании списков глаголов трех групп. Основу для распределения глаголов на группы составляла таксономическая классификация глаголов, принятая в семантической разметке НКРЯ, см. подробнее раздел 2, что обеспечивает значительную независимость семантической классификации глаголов от предпринимаемого здесь анализа их грамматических свойств. Второй этап заключался в том, чтобы определить набор грамматических свойств, которые можно рассматривать как отражение семантической переходности ситуаций. На третьем этапе устанавливалось распределение глаголов в рамках трех групп с точки зрения грамматических свойств. Наконец, наблюдаемые распределения и различия между группами интерпретировались в терминах семантической переходности и проводилось сопоставление полученных выводов с теми ожиданиями, которые были сформированы на основании существующих исследований. Помимо собственно различий в семантической переходности (в том виде, в каком они отражаются в грамматических свойствах), такое сравнение показывает, соответствует ли традиционное противопоставление семантических групп восприятия, мышления и эмоций систематическим различиям в грамматических свойствах относящихся к ним глаголов, см. о необходимости учета грамматической релевантности выделяемых групп при семантической классификации предикатов в [Булыгина 1982: 11].

Основным источником для формирования ожиданий относительно различий между группами экспериенциальных глаголов служили работы, в которых предлагаются иерархии групп глаголов. Согласно ряду типологических исследований, семантические группы

экспериментальных предикатов можно упорядочить по тому, насколько существенны их отличия — семантические и грамматические — от глаголов, описывающих наиболее семантически переходные ситуации. В большинстве случаев предлагаемые иерархии основаны на данных о кодировании участников при нескольких представительных предикатах каждой из групп в сравнительно небольшой выборке языков [Tsunoda 1981; 1985; Haspelmath 2001: 63; Malchukov 2005: 89–90]; иногда эти иерархии выводятся из семантического анализа экспериментальных ситуаций разных типов [Bossong 1998: 261]. В целом, согласно этим иерархиям, группы экспериментальных предикатов выстраиваются следующим образом. Глаголы восприятия наиболее близки к семантически переходным глаголам, т. е. для них в наибольшей степени ожидается использование генерализующей стратегии, см. раздел 1.2. Глаголы мышления занимают промежуточное положение. Более всего от прототипических переходных глаголов отличаются глаголы эмоций⁵. Можно ожидать, что семантические закономерности, лежащие в основе типологических иерархий глагольных классов, действуют и на уровне частотного распределения типов глаголов в отдельном языке, см. о внутриязыковой интерпретации типологических иерархий в терминах частотности употребления в [Corbett 2010].

Следует отметить, что многие из рассматриваемых в статье грамматических свойств могут быть связаны с деривационной историей глагола. В частности, большинство возвратных глаголов соотносимы с невозвратным глаголом той же семантической группы, поэтому можно предположить, что количество возвратных глаголов в той или иной группе в большой степени определяется количеством невозвратных глаголов, которые могут быть производящими для какого-либо деривационного процесса, ср. отношения в парах *радовать* — *радоваться* или *грезить* — *грезиться*⁶. В то же время одинаковыми грамматическими свойствами часто обладают глаголы с разной деривационной историей⁷. Так, оформление экспериенцера дательным падежом наблюдается и при производных возвратных глаголах, таких как *вспомниться* (2), и при необратимых возвратных глаголах, например *мерещиться*, и при невозвратных глаголах, например *претить*. При описании распределений глаголов на грамматические типы отношения производности в основном не учитываются, но в некоторых случаях сами типы деривационных отношений используются в качестве признаков для сопоставления групп глаголов, см. прежде всего раздел 4.

В следующем разделе обсуждается то, каким образом были сформированы списки глаголов, послужившие материалом исследования, и какие методы количественного анализа применялись при обработке результатов.

2. Сбор и обработка данных

Выборка глаголов для исследования создавалась с опорой на семантическую разметку глаголов в НКРЯ [Кустова и др. 2005; Kustova et al. 2009]. Прежде всего, из текстов НКРЯ⁸

⁵ Не рассматриваемые здесь предикаты физиологических ощущений помещаются между двумя последними группами [Haspelmath 2001: 63] или считаются наиболее отличающимися от переходных глаголов [Bossong 1998: 261].

⁶ Ср. в [Падучева 2004: 197–255] анализ структуры группы глаголов восприятия (понимаемой несколько шире, чем здесь), в котором внимание сосредоточено прежде всего на деривационных отношениях.

⁷ Ср. обсуждение взгляда на актантные деривации с точки зрения продукта деривации и механизма деривации в статье [Летучий 2014б], а также обсуждение деривационного и логического подходов к классификации возвратных глаголов в статье [Сай 2010].

⁸ Использовались тексты основного подкорпуса, созданные строго после 1950 г. Выборка глаголов создавалась в 2014 г., когда объем указанного подкорпуса составлял 120 381 919 словоформ.

были собраны все глаголы, которые, согласно разметке, в первом значении относятся к классам «восприятие», «ментальная сфера», а также подклассу «эмоции» в рамках класса «психическая сфера». Эти глаголы и составили основу выборки.

Использование семантической разметки НКРЯ для создания выборки представляется оправданным по следующим причинам. Во-первых, существенно, что списки глаголов, полученные на основании разметки, соответствуют определениям трех групп экспериенциальных ситуаций, принятым в данном исследовании, см. 1.1, и интуитивным представлениям об их границах. Во-вторых, важно, что семантическая разметка проводилась на основании значения глаголов, а не их синтаксических свойств [Kustova et al. 2009]. Наконец, опора на уже существующую семантическую разметку позволяет минимизировать влияние задачи анализа грамматических свойств глаголов на их распределение на семантические группы.

Сложность, однако, состоит в том, что семантическая разметка не охватывает всех содержащихся в текстах глагольных лексем. Для получения более полной выборки первичный список был дополнен зафиксированными в текстах НКРЯ глаголами, соотносимыми с уже извлеченными по возвратности (например, добавлены глаголы *удивляться* и *выдумываться*) или по виду (*вспомнить* извлечен, *вспоминать* добавлен), если они соответствовали семантическим рамкам соответствующей группы. Также в выборку были добавлены отдельные не размеченные в НКРЯ по тематическому классу глаголы, упоминаемые в [Бонч-Осмоловская 2003; Кустова 2012], в частности глаголы эмоций *нравиться*, *надоест* и *взгрустнуть*ся.

Каждый из включенных в выборку глаголов отнесен только к какой-либо одной из семантических групп. Отдельные значения глаголов не противопоставлялись: во-первых, неясно, насколько дробным должно быть такое разделение; во-вторых, в основном те грамматические свойства, которые рассматриваются ниже, характеризуют глаголы в целом, а не их отдельные значения. Единственный тип случаев, в которых два значения последовательно разводились, — наличие двух формально идентичных возвратных глаголов с разными синтаксическими свойствами; например, в выборке присутствует два глагола *определиться*: со значением ‘принять решение’ и со значением ‘стать ясным’.

Итоговая выборка включает 308 глаголов восприятия, 403 глагола мышления и 428 глаголов эмоций. В нее попали как частотные, так и окказиональные образования, как употребительные, так и стилистически маркированные глаголы. Три наиболее частотных глагола восприятия — *видеть*, *казаться*, *смотреть*, мышления — *знать*, *думать*, *понять*, эмоций — *любить*, *бояться*, *нравиться*. Из глаголов восприятия, встретившихся в единичных примерах, можно привести *озреть*, *заприметиться*, мышления — *вымысливать*, *возомниться*, эмоций — *испрезирать*, *перебурдоражиться*.

Предположительно, созданная выборка приближается к исчерпывающей для этих трех семантических групп, по крайней мере для определенного временного среза и спектра жанров. Можно было бы пренебречь возможными пробелами в данных и считать, что различия в распределениях, обнаруженные на материале этой выборки, непосредственно отражают различия между группами экспериенциальных глаголов русского языка. Однако точно определить, насколько велики эти пробелы и как они могут сказаться на количественных выводах, невозможно. Особенно ненадежной такая интерпретация может быть при незначительных различиях в распределениях. Поэтому здесь эти группы сравниваются так, как если бы имеющаяся выборка представляла собой незначительную часть потенциально бесконечной генеральной совокупности, см. [Yu 2007: 289–290] об интерпретации различий в выборках, полностью или почти полностью покрывающих объекты некоторого множества. При таком подходе наблюдающееся распределение рассматривается как результат действия общих закономерностей, определяющих грамматические свойства экспериенциальных глаголов русского языка. Аналитический шаг достраивания потенциальной генеральной совокупности может казаться неестественным в приложении к глагольной лексике определенного языка, однако он напрямую вытекает из привычных представлений о существовании обобщенных семантических признаков, таких как

агентивность или вовлеченность, отражающихся в синтаксическом устройстве предикатов. В свою очередь, данное исследование нацелено на то, чтобы выяснить, каковы принципы организации трех групп экспериенциальных глаголов в русском языке, а не просто описать различия между группами глаголов, встретившихся в современных текстах НКРЯ.

Оставшаяся часть статьи содержит изложение результатов исследования и их обобщение. Разделы структурированы в соответствии с делением глаголов на грамматические типы. В данном случае на первом уровне классификации глаголы противопоставляются по тому, какой участник занимает позицию подлежащего, ср. [Verhoeven 2007; Fedriani 2014]. В разделе 3 рассматриваются глаголы с подлежащим-экспериенцером (*взглянуть, задуматься, печалиться*), в разделе 4 — глаголы с подлежащим-стимулом (*виднеться, втемяшиться, тревожить*) и глаголы, при которых ни один из участников не является номинативным подлежащим (*вериться, затосковать*). При такой классификации в первую очередь учитывается то, какой участник занимает наиболее приоритетную синтаксическую позицию (если вообще какой-либо участник занимает позицию подлежащего), а затем, принимая этого участника в качестве точки отсчета, относительно него интерпретируются такие характеристики глагола, как переходность, возвратность и способ выражения прочих участников⁹. Раздел 5 содержит обобщение результатов исследования.

3. Глаголы с подлежащим-экспериенцером

3.1. Доля глаголов с подлежащим-экспериенцером

Глаголы, при которых позицию подлежащего занимает экспериенцер, составляют большинство во всех трех исследуемых группах экспериенциальных глаголов. В таблице 1 для каждой из групп приведено количество глаголов с подлежащим-экспериенцером (*чувать, помнить, соскучиться*), и суммарное количество глаголов двух оставшихся типов: с подлежащим-стимулом (*виднеться, изумить*) и таких, при которых номинативное подлежащее отсутствует (*взгрустнуться, вздуматься*).

Таблица 1

Доля глаголов с подлежащим-экспериенцером в трех семантических группах

Группа глаголов	Глаголы с подлежащим-экспериенцером	Прочие глаголы	Доля глаголов с подлежащим-экспериенцером
Восприятие	232	72	0,76
Мышление	284	109	0,72
Эмоции	261	159	0,62

Таблица 1 показывает, что по доле глаголов с подлежащим-экспериенцером семантические группы выстраиваются в следующем порядке: **восприятие** $\approx$ **мышление** > **эмоции**¹⁰

⁹ При другом распространенном типе классификации экспериенциальные глаголы прежде всего противопоставляются на основании того, какую синтаксическую позицию занимает экспериенцер [Bossong 1998; Haspelmath 2001]: выделяются глаголы с экспериенцером-подлежащим и экспериенцером в объектной позиции, среди последних — глаголы с экспериенцером в позиции прямого дополнения и дативным экспериенцером.

¹⁰ Символы « $\approx$ », « $>$ » и « $>>$ » соответствуют уровню значимости различий между группами: $p \geq 0,1$ — различие не значимо, $0,1 > p > 0,001$ — различие приближается к порогу статистической значимости или слабо значимо, $p < 0,001$ — различие значимо. Если не указано иное, для

(статистически значимые различия наблюдаются между глаголами эмоций и каждой из двух оставшихся групп, $p < 0,01$ в обоих случаях). Таким образом, среди глаголов эмоций меньше глаголов, при которых экспериенцер выражается в позиции подлежащего, т. е. синтаксически уподобляется агенту.

3.2. Доля возвратных глаголов и их типы

Глаголы, при которых экспериенцер занимает позицию подлежащего, могут в разной степени отличаться по другим синтаксическим свойствам от канонических переходных глаголов. Индикаторами пониженной переходности ситуации, описываемой глаголом, считаются, в частности, наличие возвратного показателя и синтаксическая непереходность [Bossong 1998: 261–262]. Поскольку в русском языке возвратные глаголы в норме являются непереходными, сначала группы сравниваются по доле возвратных глаголов, затем в разделе 3.3 рассматривается синтаксическая переходность невозвратных глаголов.

В типологических работах связь возвратности с пониженной переходностью ситуации обычно обсуждается в довольно абстрактных семантических терминах. Согласно Г. Боссонгу, возвратность «уменьшает активность и тем самым степень переходности глагола» (“réduit l’activité et par là le degré de transitivité du verbe”) [Bossong 1998: 262]. В некоторых работах семантическим свойством, которое стоит за значительной частью употреблений возвратных показателей, по набору значений подобных русскому, считается вовлеченность подлежащего (subject-affectedness), см. обсуждение этой идеи в [Kemmer 1993: 1–4]. То, что глаголы с подлежащим-экспериенцером часто содержат возвратный показатель, С. Кеммер связывает с двоякой природой роли экспериенцера, который обладает свойствами как действующего, так и претерпевающего участника [Kemmer 1994: 210]. При некоторой зыбкости семантических признаков, с которыми связывается возвратность, все они предполагают, что среди глаголов, описывающих менее семантически переходные ситуации, доля возвратных глаголов будет выше. Таблица 2 показывает число и долю возвратных глаголов, таких как *любоваться*, *замечтаться*, *обрадоваться*, среди глаголов с подлежащим-экспериенцером.

Таблица 2

Возвратные глаголы с подлежащим-экспериенцером

Группа глаголов	Возвратные	Невозвратные	Доля возвратных глаголов	Всего
Восприятие	74	158	0,32	232
Мышление	71	213	0,25	284
Эмоции	157	104	0,60	261

В группе глаголов эмоций с подлежащим-экспериенцером **доля возвратных глаголов** значительно выше, чем в оставшихся двух группах ($p < 0,001$ в обоих случаях). Между глаголами мышления и глаголами восприятия наблюдается различие, приближающееся к порогу статистической значимости ($p \approx 0,09$): среди глаголов восприятия доля возвратных глаголов выше, чем среди глаголов мышления. Таким образом, по этому параметру

статистической оценки различий между группами используется двусторонний вариант точного теста Фишера. Порядок групп и символы «>» и «>>» соответствуют степени семантической переходности, стоящей за тем или иным грамматическим свойством, в том числе тогда, когда связь между долей глаголов некоторого типа (например, возвратных) и семантической переходностью обратная.

группы экспериенциальных глаголов можно упорядочить следующим образом: **мышление > восприятие >> эмоции**.

Возвратные глаголы разнообразны в семантическом и формальном отношениях, и семантические группы могут различаться тем, какие типы возвратных глаголов в них преобладают. Для сравнения групп входящие в них возвратные глаголы были разделены на три формальных типа: объектные, субъектные и необратимые, — примерно соответствующих выделяемым в [Князев 2007: 264]. Объектные и субъектные возвратные глаголы могут быть соотнесены с невозвратными глаголами. При **объектных возвратных глаголах** позицию подлежащего занимает участник, который при исходном глаголе выражается в позиции прямого дополнения. Среди глаголов с подлежащим-экспериенцером к этому типу принадлежат декаузативы (*обрадоваться, увериться*, ср. исходные глаголы *обрадовать, уверить*) и единичные пассивы (*уведомляться*, ср. *уведомлять*). При **субъектных возвратных глаголах** позицию подлежащего занимает тот же участник, что и при исходном глаголе. К этому типу здесь отнесены: циркумфиксальные глаголы (например, глаголы *истосковаться* и *заглядеться*, исходными для которых служат *тосковать* и *глядеть*); глаголы, которые отличаются от невозвратных отсутствием или понижением в ранге второго участника (ср. *посмотреться, определиться* и исходные глаголы *посмотреть* и *определить*); глаголы с взаимным значением (все 10 таких глаголов относятся к глаголам восприятия и многие из них обозначают не только восприятие, но и определенные социальные действия, ср. *увидеться, обнюхаться* и соответствующие невозвратные глаголы *увидеть, обнюхать*). Наконец, **необратимые возвратные глаголы** не могут быть соотнесены ни с каким невозвратным глаголом (*любоваться, сомневаться*)¹¹. Распределение возвратных глаголов каждой из групп на эти три типа показано в таблице 3.

Таблица 3

Формальные типы возвратных глаголов с подлежащим-экспериенцером

Группа глаголов	Субъектные		Объектные		Необратимые		Всего
	Число	Доля	Число	Доля	Число	Доля	
Восприятие	66	0,89	2	0,03	6	0,08	74
Мышление	53	0,75	7	0,10	11	0,15	71
Эмоции	16	0,10	126	0,80	15	0,10	157

Существенные различия между группами обнаруживаются в распределении глаголов на объектные и субъектные, в то время как необратимые глаголы составляют во всех группах примерно одинаковую долю. В порядке снижения доли **субъектных возвратных глаголов** группы можно выстроить следующим образом: **восприятие > мышление >> эмоции**. Различия между глаголами эмоций и каждой из оставшихся двух групп статистически значимы ($p < 0,001$ в обоих случаях), различие между глаголами восприятия и глаголами мышления приближается к порогу статистической значимости ($p \approx 0,08$).

Распределение возвратных глаголов на субъектные и объектные отражает то, какие глаголы для каждой из групп выступают в качестве исходных в деривационных отношениях с точки зрения формальной производности. Из наблюдаемых различий следует, что для возвратных глаголов восприятия и, в несколько меньшей степени, мышления чаще, чем для возвратных глаголов эмоций, исходными являются глаголы, при которых в позиции подлежащего также находится экспериенцер, как в парах *смотреть* — *всмотреться*, *решить* — *решиться*. Возвратные глаголы эмоций, напротив, чаще соотносятся с невозвратными глаголами, при которых экспериенцер занимает позицию прямого дополнения,

¹¹ Глаголы, образованные приставочным способом от необратимых глаголов (*понравиться*), считались необратимыми, а не субъектными.

как в парах *огорчаться* — *огорчать*, *возмутиться* — *возмутить*, ср. обсуждение распространенности таких пар в группе глаголов эмоций в [Падучева 2004: 279]. Таким образом, для возвратных глаголов эмоций чаще, чем для возвратных глаголов других групп, в качестве исходного выступает глагол, при котором экспериенцер занимает позицию прямого дополнения, т. е. синтаксически уподобляется пациенту.

Еще более дробное деление можно провести среди субъектных возвратных глаголов, которые во всех группах представлены достаточным для сопоставления числом. В таблице 4 для каждой из групп приведено соотношение циркумфиксальных глаголов, таких как *приглядеться*, *натерпиться* (ср. исходные глаголы *глядеть* и *терпеть*), и глаголов, которые отличаются от исходных статусом второго участника, например *поглядеться*, *довериться* (ср. глаголы *поглядеть* и *доверить*).

Таблица 4

Типы субъектных возвратных глаголов с подлежащим-экспериенцером

Группа глаголов	Циркум- фиксальные	Изменение статуса второго участника	Доля циркум- фиксальных глаголов	Всего
Восприятие	36	20	0,65	56
Мышление	24	29	0,49	53
Эмоции	14	2	0,88	16

Как показывает таблица 4, среди глаголов эмоций и глаголов восприятия доля циркумфиксальных глаголов выше, чем среди глаголов мышления. Статистически значимые различия наблюдаются между глаголами мышления и глаголами эмоций ($p < 0,01$), различия между глаголами мышления и глаголами восприятия приближаются к порогу статистической значимости ($p \approx 0,06$).

В данном случае различия между группами, по-видимому, объясняются продуктивностью циркумфиксальных глаголов, а не глаголов с изменением статуса второго участника. Во-первых, многие глаголы с изменением статуса второго участника семантически нерегулярно соотносятся с невозвратными глаголами и, возможно, не имеют с ними актуальных связей, ср. пары глаголов *забыть* и *забыться*, *сообразить* и *сообразиться*. Во-вторых, возвратные глаголы с изменением статуса второго участника образуются, за единичными исключениями, от переходных глаголов, и во всех трех группах примерно одинакова доля переходных глаголов, образующих такие возвратные глаголы.

Различия в степени продуктивности циркумфиксальных глаголов сложно интерпретировать в каких-либо общих терминах из-за разнообразия значений, передаваемых циркумфиксами. Однако сами циркумфиксальные экспериенциальные глаголы можно разделить на две большие группы. К первой относятся глаголы, при которых **циркумфикс указывает на вовлеченность экспериенцера** в ситуацию, т. е. сообщает ему пациентивные черты. К ней относятся глаголы с циркумфиксами: *за-...-ся* (*засмотреться*, *замечаться*), которые содержат компонент длительной и чрезмерной погруженности экспериенцера в состояние; *из-...-ся* (*истосковаться*, *исстрадаться*), которые встречаются в основном среди глаголов эмоций и обозначают исчерпанность душевных сил экспериенцера каким-либо переживанием; *на-...-ся* (*нанюхаться*, *нанервничаться*), которые описывают пресыщение экспериенцера вследствие избыточного пребывания в каком-либо состоянии — «сативный способ действия» [Шелякин 1987: 80]. Вторую группу составляют глаголы, при которых **циркумфикс передает идею применения усилий** для обработки стимула, т. е. сообщает экспериенцеру агентивные черты. Эта группа включает глаголы с циркумфиксами: *в-...-ся* (*вслушаться*, *вдуматься*) и *при-...-ся* (*приглядеться*), которые предполагают стремление экспериенцера к более внимательному и пристальному восприятию стимула; *до-...-ся* (*догадаться*, *доглядеться*), описывающие настойчивые усилия экспериенцера, которые приводят к некоторой цели или вызывают какие-либо последствия.

Некоторые циркумфиксальные глаголы остались за рамками этих двух групп, прежде всего глаголы с циркумфиксом *раз-...-ся* (*распсиховаться, размечтаться*), обозначающие интенсивное, «доходящее до крайней меры» [Там же] экспериенциальное состояние. Приведенные значения циркумфиксов сформулированы в основном с опорой на грамматику [РГ-1980: 385–388]. Распределение циркумфиксальных глаголов по типу значения циркумфикса показывает таблица 5.

Таблица 5

Распределение циркумфиксальных глаголов по типу значения циркумфикса

Группа глаголов	Вовлеченность экспериенцера	Усилия экспериенцера	Прочие	Всего
Восприятие	16	17	3	36
Мышление	8	12	4	24
Эмоции	10	2	2	14

Хотя число циркумфиксальных глаголов невелико, между группами обнаруживаются различия в том, как эти глаголы распределяются на два очерченных выше подтипа. В группе глаголов эмоций преобладают глаголы, предполагающие вовлеченность экспериенцера; эта группа значительно отличается от каждой из двух оставшихся групп ($p < 0,05$ в обоих случаях). Циркумфиксальные глаголы восприятия делятся на эти два типа примерно поровну, в группе глаголов мышления немного выше, чем в других группах, доля глаголов, при которых экспериенцер прилагает дополнительные усилия для восприятия стимула.

Преобладание одного или другого из типов циркумфиксальных глаголов показывает, какие стороны семантики скорее высвечиваются у ситуаций каждой из групп: компонент приложения экспериенцером усилий подчеркивает его агентивные свойства, вовлеченность — пациентивные свойства экспериенцера. Если интерпретировать этот параметр в терминах семантической переходности ситуаций, то группы экспериенциальных глаголов выстраиваются в следующем порядке: **мышление $\approx$ восприятие $>$ эмоции**.

3.3. Синтаксическая переходность

В языках мира ситуации, характеризующиеся высокой степенью семантической переходности, систематически кодируются синтаксически переходными глаголами, например, к синтаксически переходным относятся глаголы со значениями ‘убить’ или ‘разрушить’ [Tsunoda 1985; Dowty 1991]. Таким глаголам в разных языках может синтаксически уподобляться более или менее широкий круг глаголов, участники которых в той или иной мере отличаются от прототипических агенса и пациенса [Lazard 2002: 152; Malchukov 2005: 82–83; Haspelmath 2015], в том числе экспериенциальные глаголы. Использование переходной конструкции с экспериенцером в позиции подлежащего часто можно связать с наличием у экспериенцера каких-либо агентивных свойств [Næss 2007: 188]. В соответствии с установками данного исследования, см. раздел 1.3, прямого анализа степени агентивности экспериенцера при отдельных глаголах здесь предприниматься не будет: даже два глагола часто бывает сложно сопоставить по этому признаку (ср., например, глаголы *ощущать* и *помнить*) и тем более трудно сказать, как с этой точки зрения соотносятся группы в целом. Однако можно установить, насколько велика в каждой группе доля переходных глаголов с подлежащим-экспериенцером.

Этот признак рассматривается на множестве невозвратных глаголов с подлежащим-экспериенцером. Переходными считались только такие глаголы, при которых в позиции

прямого дополнения может быть употреблена группа в винительном падеже, принадлежащая к открытому списку¹². Среди непереходных глаголов не противопоставлялись двухместные и одноместные глаголы, поскольку проведение границы между ними затруднительно¹³. Распределение глаголов трех групп на переходные и непереходные представлено в таблице 6.

Таблица 6

Синтаксическая переходность невозвратных глаголов с подлежащим-экспериментером

Группа глаголов	Переходные	Непереходные	Доля переходных глаголов	Всего
Восприятие	123	35	0,78	158
Мышление	164	49	0,77	213
Эмоции	31	73	0,30	104

Таблица 6 показывает, что в группах глаголов восприятия и мышления доля переходных глаголов гораздо выше, чем в группе глаголов эмоций; различия между глаголами эмоций и каждой из этих групп статистически значимы ($p < 0,001$ в обоих случаях). Группы упорядочиваются следующим образом: **восприятие** $\approx$ **мышление** $\gg$ **эмоции**.

В русском языке переходность глагола может быть связана с наличием определенной приставки. Так, А. Б. Летучий [2016б: 218] отмечает, что преимущественно переходными являются невозвратные глаголы с префиксами *раз-* (*рассмотреть*, *рассудить*) и *из-* (*измыслить*, *исследовать*). В выборке к переходным систематически относятся и некоторые другие типы приставочных глаголов, образованных от непереходных бесприставочных глаголов, в частности глаголы с префиксами *о-* (*осмотреть*, *осмыслить*), *вы-* (*выдумать*, *выстрадать*) и др. Для того чтобы рассмотреть признак переходности вне возможного влияния приставочных глаголов, из каждой группы были отобраны бесприставочные невозвратные неаимствованные глаголы, например *терпеть*, *грустить*, *знать*, *веровать*, *зреть*, *выдывать* и др. Распределение таких глаголов каждой из групп на переходные и непереходные представлено в таблице 7.

Таблица 7

Переходность невозвратных бесприставочных неаимствованных глаголов

Группа глаголов	Переходные	Непереходные	Доля переходных глаголов	Всего
Восприятие	20	6	0,8	26
Мышление	11	9	0,6	20
Эмоции	3	14	0,2	17

¹² В частности, к непереходным были отнесены глаголы *думать* и *мечтать*, при которых в винительном падеже прежде всего употребляются такие существительные, как *думы* и *мечты*. Также к непереходным относились глаголы, при которых стимул может быть выражен только инфинитивом или придаточным с союзом *что*, например *вздумать*, ср. анализ этих типов групп как неканонических прямых дополнений в [Летучий 2016б].

¹³ Для этого можно использовать разные критерии: наличие второго участника в толковании, наличие лексически заданного способа его оформления, частотность употребления второго участника при глаголе или принципиальная возможность его выражения в той же клаузе, однако все они предполагают в большей или меньшей степени произвольное решение. В наибольшей степени на статус одноместных могли бы претендовать некоторые глаголы эмоций, например *унывать*, *грустить*, *нервничать*, однако и при этих глаголах стимул обычно присутствует в ситуации и иногда выражается в качестве зависимого при глаголе.

В распределении бесприставочных незаимствованных глаголов обнаруживается та же закономерность, что и среди невозвратных глаголов в целом: в группе глаголов эмоций доля переходных глаголов значимо ниже, чем в двух оставшихся группах (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $p < 0,001$ и $p < 0,05$). В данном случае в группе глаголов восприятия доля переходных глаголов несколько выше, чем в группе глаголов мышления, однако это различие не является статистически значимым. Наблюдаемые различия могут быть представлены в виде следующей иерархии: **восприятие $\approx$ мышление $>$ эмоции**.

3.4. Глаголы с подлежащим-экспериенцером: обобщение

В этом разделе рассматривались глаголы восприятия, мышления и эмоций с подлежащим-экспериенцером, например *выслушать, размышлять, дознаться, гордиться*. Семантические группы сопоставлялись с точки зрения того, как среди принадлежащих к ним глаголов с подлежащим-экспериенцером распределены грамматические свойства, которые связаны с агентивностью экспериенцера и семантической переходностью обозначаемых глаголами ситуаций. К таким свойствам относится и собственно кодирование экспериенцера в позиции подлежащего.

По всем обсуждавшимся признакам глаголы эмоций четко противопоставлены двум оставшимся группам экспериенциальных глаголов как описывающие наименее семантически переходные ситуации: в группе глаголов эмоций наименьшую долю составляют глаголы с подлежащим-экспериенцером; среди глаголов с подлежащим-экспериенцером выше всего доля возвратных глаголов; среди возвратных выше всего доля объектных глаголов — глаголов, для которых в качестве исходных выступают глаголы с экспериенцером в позиции прямого дополнения; среди циркумфиксальных глаголов эмоций выше всего доля таких глаголов, при которых экспериенцер обладает пациентивными чертами; наконец, в группе глаголов эмоций ниже всего доля синтаксически переходных глаголов с подлежащим-экспериенцером: и среди невозвратных глаголов в целом, и среди бесприставочных незаимствованных глаголов.

Различия между глаголами мышления и глаголами восприятия по всем обсуждавшимся в разделе 3 признакам оказываются незначительными и не складываются в какую-либо единую закономерность.

4. Глаголы с подлежащим-стимулом и без номинативного подлежащего

4.1. Проблема разграничения глаголов с подлежащим-стимулом и глаголов без подлежащего

В этом разделе совместно обсуждаются глаголы с подлежащим-стимулом и глаголы без подлежащего, т. е. безличные глаголы. Между этими двумя типами сложно провести четкую границу. Глаголами с подлежащим-стимулом бесспорно можно считать такие глаголы, при которых в позиции подлежащего могут выступать именные группы в именительном падеже, принадлежащие к открытому списку. К этому типу относится подавляющее

большинство глаголов рассматриваемого множества, например *наблюдаться*, *почудиться*, *грезиться*, *измышляться*, *полюбоваться*, *устрашать*. В большей или меньшей степени близки к безличным 12 глаголов. Такие глаголы обнаружены только среди глаголов мышления и эмоций, и все они являются соотносительными возвратными глаголами, при которых экспериенцер, если он выражен, оформляется дательным падежом, например *взгрустнуться*, *вериться*, *возмечтаться*. Из них ближе всего к глаголам с подлежащим-стимулом глаголы *думаться* и *подуматься*, при которых в качестве подлежащего в именительном падеже могут выступать именные группы ограниченного класса (*мысль*, *дума* и т. п.), а также местоимения *это*, *что*. При глаголе *вздуматься* фиксируются только местоименные номинативные подлежащие (4). Принципиально не употребляются с подлежащими в именительном падеже глаголы мышления *вериться* и *повериться*, а также глаголы эмоций *взгрустнуться* (5) и *затосковать*. Сходные наблюдения о глаголах *думаться* и *вериться* высказываются в [Летучий 2014а: 390–392].

- (4) *Чтобы не самовольничали, не бросались вниз с третьего этажа, чтобы умирали не тогда, когда им это **вздумается**, а когда будут на это высшие соображения* [Е. С. Гинзбург. Крутой маршрут (1967)].
- (5) — *От воспоминаний о командире, которого снял бандитский снайпер, о тех пропавших кровью временах друзьям немножко **взгрустнулось*** [Лев Корнешов. Газета (2000)].

В значительной степени безличный или близкий к безличному статус этих возвратных глаголов связан со свойствами исходных невозвратных глаголов *верить*, *думать*, *тосковать* и *грустить*. При них стимул выражается либо с помощью зависимой клаузы (придаточного или инфинитива), либо с помощью именной группы, оформленной косвенным средством. Все эти глаголы здесь считались непереходными, см. раздел 3.3. В то же время некоторые возвратные глаголы, образованные от непереходных глаголов, можно считать глаголами с подлежащим-стимулом, например глагол *мечтаться*, который способен употребляться с открытым списком именных групп в позиции подлежащего, хотя такие употребления и не частотны (6).

- (6) *Когда-то в Художественном театре хотели, чтобы Чичикова сыграл Качалов — **мечталась** именно такая мощная фигура* [Анатолий Смелянский. Четыре круга (1990–2000)].

Таким образом, небольшая группа экспериенциальных глаголов, у которых есть ограничения на употребление с подлежащим в именительном падеже, распадается на несколько мелких типов, от категорически безличных до сочетающихся с узким кругом существительных в номинативе. Неоднородность таких глаголов, их немногочисленность и грамматическое сходство с глаголами с подлежащим-стимулом служат основаниями для того, чтобы не противопоставлять глаголы по признаку наличия подлежащего и рассматривать глаголы с подлежащим-стимулом и безличные глаголы как единый тип.

4.2. Возвратность и переходность глаголов с подлежащим-стимулом и без подлежащего

Как и глаголы с подлежащим-экспериенцером, множество глаголов с подлежащим-стимулом и без подлежащего может быть разделено на возвратные и невозвратные и, в рамках невозвратных, на переходные и непереходные глаголы. Распределение глаголов этого типа по признакам возвратности и переходности представлено в таблице 8.

Таблица 8

Возвратность и переходность глаголов с подлежащим-стимулом и без подлежащего

Группа глаголов	Возвратные		Невозвратные непереходные		Переходные		Всего
	Число	Доля	Число	Доля	Число	Доля	
Восприятие	68	0,94	1	0,01	3	0,04	72
Мышление	106	0,97	0	0	3	0,03	109
Эмоции	15	0,09	16	0,10	128	0,81	159

Таблица 8 показывает, что большинство глаголов восприятия и мышления с подлежащим-стимулом и без подлежащего относятся к возвратным. Невозвратные глаголы с подлежащим-стимулом в этих группах представлены единичными лексемами (*проглядывать*, *ослепить*, *озадачить*). Глаголы эмоций с подлежащим-стимулом в основном переходные. В данном случае статистически группы осмысленно сравнивать только по **доле возвратных глаголов**. По этому признаку они выстраиваются в следующую иерархию: **мышление $\approx$ восприятие $\gg$ эмоции** (различие между глаголами эмоций и каждой из оставшихся групп статистически значимо, $p < 0,001$).

Одна из возможных интерпретаций этого распределения состоит в том, чтобы рассматривать его «плоско», независимо от деривационных связей между глаголами этого типа и глаголами с подлежащим-экспериментером. При таком взгляде можно сказать, что, даже когда при глаголах восприятия и мышления стимул занимает позицию подлежащего, глагол обычно содержит возвратный показатель, указывающий на вовлеченность подлежащего в ситуацию, см. о семантической интерпретации возвратности в разделе 3.2.

При другой интерпретации, «объемной», распределение глаголов в таблице 8 во многом оказывается обратной стороной распределений глаголов с подлежащим-экспериментером, обсуждавшихся в разделе 3. Так, значительную часть возвратных глаголов восприятия и мышления с подлежащим-стимулом составляют объектные возвратные глаголы — пассивы и декаузативы, например *наблюдаться*, *ощущаться*, *воображаться*, *выясниться*. Исходными для этих возвратных глаголов служат переходные глаголы с подлежащим-экспериментером, которые составляют в группах восприятия и мышления значительную долю, см. раздел 3.3. В группе же глаголов эмоций переходные глаголы с подлежащим-стимулом регулярно образуют возвратные объектные глаголы с подлежащим-экспериментером, см. раздел 3.2, формируя уже упоминавшиеся пары типа *тревожить* — *тревожиться*, *восхищать* — *восхищаться*. Таким образом, для глаголов мышления и восприятия типично такое деривационное соотношение, при котором производящим является глагол с подлежащим-экспериментером, обычно — переходный (*слышать*, *выяснить*), а производным — глагол с подлежащим-стимулом (*слышаться*, *выясниться*). В группе глаголов эмоций распространено иное соотношение — такое, при котором переходный глагол с подлежащим-стимулом (*радовать*) служит для образования возвратного объектного глагола с подлежащим-экспериментером (*радоваться*).

4.3. Возвратные глаголы с подлежащим-стимулом: образование пассива

Возвратные глаголы с подлежащим-стимулом делятся на необратимые, например *чудиться*, *втемяшиться*, *приестся*, и объектные, т. е. такие, при которых подлежащим является участник, при соотносительном невозвратном глаголе занимающий позицию прямого дополнения. Объектные возвратные глаголы с подлежащим-стимулом, в свою

очередь, можно разделить на канонические пассивные (*облюбовываться, постигаться*), декаузативные (*выясниться, слышаться*) и т. н. «неагентивные пассивные» — глаголы, при которых экспериенцер оформляется дательным падежом (*вспомниться, полюбиться*).

При канонических пассивных глаголах участник, занимающий позицию подлежащего при исходном глаголе, обязательно присутствует в ситуации; он может быть выражен дополнением в творительном падеже или оставаться не выраженным. Так, в (7) при глаголе *постигаться* экспериенцер не выражен, но он подразумевается и мог бы быть выражен, например, с помощью дополнения *учащимися*.

- (7) Там **постигалось** литературное ремесло под эгидой определенной идеологии, институт официально назывался идеологическим учебным заведением [Анатолий Ким. Мое прошлое (1990–1998) // «Октябрь», 1998].

Декаузативные глаголы представляют ситуацию так, как будто она происходит спонтанно, без воздействия агентивного участника [Haspelmath 1993], или, согласно другой точке зрения, так, что внешняя причина, вызывающая ситуацию, выводится за рамки ситуации как несущественная [Падучева 2001]. Примером декаузативного экспериенциального глагола с подлежащим-стимулом может служить глагол *выясниться* (8), который описывает ситуацию появления новых сведений, но не уточняет, были ли они получены благодаря усилиям экспериенцера или в силу не зависящих от него обстоятельств.

- (8) **Выяснилась** фамилия того человека, который бежал из дрезденской тюрьмы, — Лютиц Розенкеттер [Даниил Гранин. Зубр (1987)].

Декаузативы, описывающие экспериенциальные ситуации, обладают важной особенностью: такие ситуации обычно непредставимы вне сознания какого-либо экспериенцера, хотя он и не может быть выражен при глаголе; в подобных случаях, согласно Е. В. Падучевой [2000], «Эксперимент находится За кадром».

Неагентивными пассивами здесь, вслед за [Летучий 2016а], называются объектные возвратные глаголы, при которых участник, занимающий при исходном глаголе позицию подлежащего, оформляется дательным падежом (9).

- (9) И все-таки Бору **запомнилась** его тогдашняя нетерпеливость [Д. С. Данин. Нильс Бор (1969–1975)].

Неагентивные пассивы образуются преимущественно от экспериенциальных глаголов [Летучий 2016а; Храковский 1991: 177]. Глаголы *вериться* и *думаться*, которые здесь отнесены к безличным, также обычно причисляются к этому типу. Неагентивные пассивы описывают ситуацию как происходящую помимо воли экспериенцера [Янко-Триницкая 1962: 100–102; Перцов 2003: 58–62] и в некоторых случаях предполагают, что восприятие обусловлено обманом чувств, ср. пару *слышать* — *слышаться*, а также примеры в [Летучий 2016а: 283].

Таким образом, неагентивные пассивные глаголы отличаются от канонических пассивных и декаузативных кодированием экспериенцера. При канонических пассивных глаголах экспериенцер в творительном падеже выражается редко, поэтому на этом основании их было бы сложно противопоставить декаузативам. Противопоставление пассивных глаголов декаузативным в первом приближении соответствует противопоставлению по виду: согласно большинству описаний, в качестве канонических пассивов в русском языке могут использоваться только или почти только возвратные глаголы НСВ [Храковский 1991: 154; Летучий 2016а: 318–319], в то время как декаузативное значение более естественно для глаголов СВ [Падучева 2001: 53]. Употребление возвратных глаголов с подлежащим-стимулом не полностью следует этой закономерности: как пассивные могут употребляться и некоторые глаголы СВ (например, *осмыслиться, осознаться, усмотреться*). Тем не менее в этом разделе при анализе пассивных глаголов с подлежащим-стимулом рассматриваются только глаголы НСВ. Неагентивные пассивные глаголы обсуждаются далее в разделе 4.4.

Все канонические пассивные глаголы с подлежащим-стимулом могут быть соотнесены с каким-либо переходным глаголом с подлежащим-экспериенцером (см. раздел 3.3), например глагол *наблюдаться* — с глаголом *наблюдать*, *домысливаться* — с глаголом *домысливать* и т. п. Соответственно, наличие пассивного глагола с подлежащим-стимулом свидетельствует о способности того или иного невозвратного переходного глагола с подлежащим-экспериенцером к образованию пассива (точнее, о наличии такого пассивного глагола в современных текстах НКРЯ). В типологических работах невозможность образования пассива часто связывается с отклонениями от семантической переходности: ограничения на образование пассива обычно демонстрируют переходные глаголы, при которых участник в позиции подлежащего обладает низкой агентивностью [Shibatani 1985: 831–832; 1998: 127–131]. Так, пассив часто не образуется от глаголов типа английских *mean* ‘значить’ или *resemble* ‘напоминать’, ср. [Beedham 1982], от глаголов, обозначающих отношения, таких как *весить*, *стоять*, см. [Летучий 2016б: 217], а также от экспериенциальных глаголов с подлежащим-экспериенцером, ср. [Кибрик 2005: 335–336]. Исходя из этого обобщения можно сравнить три группы по тому, для какой части переходных глаголов НСВ с подлежащим-экспериенцером фиксируется канонический пассив; например, глагол *понимать* относится к глаголам, образующим пассив, ср. *пониматься*, в то время как пассив от глагола *знать* не был обнаружен. Чем больше **доля переходных глаголов, образующих канонический пассив**, тем ближе к семантически переходным те ситуации, которые ими описываются. Распределение глаголов по этому параметру показывает таблица 9.

Таблица 9

**Доля переходных глаголов НСВ с подлежащим-экспериенцером,
образующих канонический возвратный пассив**

Группа глаголов	Переходные глаголы НСВ		Доля переходных глаголов, образующих пассив
	Образующие пассив	Всего	
Восприятие	31	57	> 0,5
Мышление	52	82	0,63
Эмоции	5	11	< 0,5

Различия между семантическими группами, наблюдаемые в таблице 9, незначительны, однако можно отметить, что их порядок повторяет наблюдавшийся и в некоторых других случаях: **мышление ≈ восприятие ≈ эмоции**¹⁴.

Среди пассивных глаголов с подлежащим-стимулом некоторые очень частотны, некоторые встречаются в современных текстах основного подкорпуса НКРЯ один раз и очевидно окказиональны. Скажем, пассивные глаголы мышления *считаться*, *предполагаться* и *планироваться* попадают в 25 % наиболее частотных глаголов группы, в то время как в группе глаголов эмоций все пассивные глаголы с подлежащим-стимулом оказываются среди 30 % наименее частотных глаголов и все они кажутся маргинальными, ср. *уважаться*, *жалеться*, *облюбовываться*. Частотность пассивного глагола, как и его наличие, можно считать отражением степени семантической переходности ситуации, поскольку каноническая пассивная конструкция подчеркивает вовлеченность в ситуацию участника в позиции

¹⁴ Интересно, что в распределении переходных глаголов СВ на образующие и не образующие объектные возвратные глаголы (≈ декаузативы) наблюдается та же закономерность: выше всего доля переходных глаголов, образующих декаузатив, в группе глаголов мышления и ниже всего в группе глаголов эмоций. В целом доля таких глаголов СВ гораздо ниже, чем глаголов НСВ. Таким образом, можно говорить в целом о снижении склонности к образованию возвратных глаголов, продвигающих прямое дополнение — стимул в позицию подлежащего, в порядке мышление — восприятие — эмоции.

подлежащего — стимула — и агентивные свойства экспериенцера. Для сравнения групп с точки зрения **текстовой частотности пассивных глаголов** здесь используются два параметра. Во-первых, учитывается частотность самого пассивного глагола в ipm (items per million); например, для глагола *презираться* эта мера равна 0,11 (13 употреблений в подкорпусе объемом около 120 миллионов). Во-вторых, рассматривается соотношение частотности пассивного глагола и исходного переходного; например, глагол *презирать* встретился в использованном подкорпусе 1811 раз, значит, соотношение в паре *презирать* — *презираться* равно 0,007 (= 13/1811). Второй параметр позволяет учесть связь между частотностью исходного переходного глагола и частотностью пассива (эта связь является статистически значимой; ранговая корреляция Спирмена, $\rho = 0,68$, $p < 0,001$). В таблице 10 приведены две характеристики распределений этих параметров в трех семантических группах: среднее значение и медиана (значение параметра для наблюдения, которое делит ранжированную выборку пополам)¹⁵.

Таблица 10

Среднее и медиана текстовой частотности пассивных глаголов в ipm и соотношений частотности в парах пассивных и исходных переходных глаголов

Группа глаголов	Частотность пассивных глаголов (ipm)		Соотношения частотности пассивных и исходных переходных глаголов	
	Среднее	Медиана	Среднее	Медиана
Восприятие	4,3	0,15	0,32	0,06
Мышление	6,4	0,44	0,22	0,11
Эмоции	0,1	0,02	0,02	0,003

Как показывает таблица 10, по частотности пассивных глаголов — и в чистом виде, и в соотношении с переходным глаголом — группы выстраиваются в уже неоднократно наблюдавшуюся иерархию: **мышление** $\approx$ **восприятие** > **эмоции**¹⁶.

4.4. Кодирование объектного экспериенцера

В этом разделе семантические группы экспериенциальных глаголов сравниваются по распространенности разных способов кодирования экспериенцера, не занимающего позицию подлежащего. Из обсуждавшихся выше грамматических типов глаголов однозначно соответствует определенному способу кодирования экспериенцера только один — переходные глаголы с подлежащим-стимулом, такие как *ослепить*, *озадачить*, *удивить*. При них экспериенцер всегда оформляется винительным падежом, а оформление винительным падежом, в свою очередь, в норме встречается только при переходных глаголах. Помимо этого способа кодирования, здесь выделяется еще два: дательный падеж (*запомниться*, *опротиветь*) и — как единый тип — случаи, когда экспериенцер не выражается

¹⁵ Для всех распределений, представленных в таблице 10, среднее значение выше, чем медиана. Это связано с тем, что в каждой из групп имеется несколько очень частотных пассивных глаголов и много — с низкими значениями рассматриваемых параметров: пассивных глаголов с низкой частотностью и пар, в которых переходный глагол намного частотнее пассивного.

¹⁶ Статистически значимые различия наблюдаются между распределениями частотностей пассивных глаголов эмоций и мышления (U-критерий Манна — Уитни, $W = 242,5$, $p \approx 0,01$). Между распределениями соотношений частотности пассивных глаголов и исходных переходных глаголов значимые различия наблюдаются между глаголами эмоций и каждой из оставшихся групп (U-критерий Манна — Уитни, $W = 129$, $p \approx 0,02$; $W = 237,5$, $p \approx 0,002$).

и когда он оформляется творительным падежом (*ощущаться, выясниться*). Распределение глаголов на эти три типа показывает таблица 11.

Таблица 11

Оформление экспериенцера в объектных позициях при глаголах трех групп

Группа глаголов	Винительный падеж		Дательный падеж		Не выражен или творительный падеж		Всего
Восприятие	3	0,04	22	0,31	46	0,65	71
Мышление	3	0,03	34	0,32	70	0,65	107
Эмоции	128	0,81	25	0,16	6	0,04	159

Данные таблицы 11 свидетельствуют о том, что в группе глаголов эмоций экспериенцер гораздо чаще, чем в других группах, занимает позицию прямого дополнения, т. е. синтаксически уподобляется пациенсу. Среди глаголов восприятия и мышления основную часть составляют глаголы, при которых экспериенцер не выражается или кодируется творительным падежом. Это отражение того, что в этих двух группах распространены возвратные глаголы с подлежащим-стимулом — пассивы и декаузативы.

Глаголы, при которых экспериенцер оформляется дательным падежом, можно разделить на три типа: соотносительные возвратные (неагентивные пассивы типа *чуяться, полюбиться* и безличные пассивы, такие как *взгрустнуться* и *затосковать*), необратимые возвратные (*чудиться, втемяшиться*) и невозвратные (*надобесть, претить*). Противопоставление между этими тремя типами глаголов с дативным экспериенцером можно интерпретировать следующим образом. Если возвратный глагол является соотносительным, он представляет собой лишь один из возможных способов синтаксического выражения данной ситуации, наряду с исходным глаголом с подлежащим-экспериенцером, ср. пары *слышаться — слышать, вспомниться — вспомнить*. Такие возвратные глаголы подчеркивают неконтролируемость ситуации экспериенцером, исходные же невозвратные нейтральны в этом отношении. При глаголах двух оставшихся типов объектное кодирование экспериенцера можно считать ингерентным, лексическим, поскольку оно соответствует единственному возможному для данной ситуации способу соотнесения участников с синтаксическими позициями. При этом необратимость возвратного глагола может быть следствием утраченных деривационных связей или возникать по аналогии с другими возвратными глаголами. При невозвратных же глаголах объектное кодирование экспериенцера с наибольшими основаниями можно считать связанным с семантикой ситуации, а не с деривационной историей глагола. Таким образом, распределение глаголов на эти три типа можно рассматривать как отражение того, насколько в каждой из групп распространены ситуации, для которых задано дативное кодирование экспериенцера. Чем больше в группе доля невозвратных или необратимых возвратных глаголов с дативным экспериенцером, тем менее семантически переходными следует считать ситуации соответствующей группы. Распределение глаголов трех групп по этому признаку приведено в таблице 12.

Таблица 12

Соотносительные возвратные, необратимые возвратные и невозвратные глаголы с экспериенцером в дательном падеже

Группа глаголов	Соотносительные возвратные глаголы	Необратимые возвратные глаголы	Невозвратные глаголы
Восприятие	12	10	0
Мышление	33	1	0
Эмоции	4	5	16

Распределение глаголов с дативным экспериенцером позволяет противопоставить все три группы глаголов. В группе глаголов мышления почти все глаголы этого типа относятся к соотносительным возвратным. Глаголы восприятия примерно поровну делятся на соотносительные возвратные и необратимые возвратные. Среди глаголов эмоций с дативным экспериенцером больше всего невозвратных глаголов. Таким образом, в соответствии с тем, насколько лексически заданным является дативное кодирование экспериенцера, семантическая переходность ситуаций снижается в порядке: **мышление > восприятие > эмоции**¹⁷.

Почти все необратимые возвратные глаголы восприятия, благодаря которым в приведенной иерархии эта группа занимает промежуточное положение между глаголами эмоций и глаголами мышления, описывают ситуации ложного восприятия, в которых органы чувств обманывают экспериенцера (*мерещиться, почудиться, привидеться*). Этот семантический тип является специфическим для глаголов восприятия и очевидно предполагает низкую степень контролируемости ситуации экспериенцером. Таким образом, особый семантический тип глаголов, периферийный для группы глаголов восприятия в целом, определяет оценку степени агентивности экспериенцера в этой группе с точки зрения данного признака.

4.5. Глаголы с подлежащим-стимулом и без подлежащего: обобщение

При обсуждении глаголов с подлежащим-стимулом и безличных глаголов основное внимание было сосредоточено на отношениях производности между глаголами этого типа и глаголами с подлежащим-экспериенцером, обсуждавшимися в разделе 3. Глаголы с подлежащим-экспериенцером служат производящими для возвратных глаголов с подлежащим-стимулом и безличных, как в парах *ощущать* — *ощущаться*, *верить* — *вериться*, глаголы с подлежащим-стимулом — для возвратных декаузативных глаголов с подлежащим-экспериенцером, как в парах *озадачить* — *озадачиться*, *испугать* — *испугаться*. Деривационные отношения первого типа более распространены в группах глаголов мышления и восприятия, второго типа — в группе глаголов эмоций. Преобладание того или иного направления производности отражается в распределениях глаголов прежде всего с точки зрения таких базовых грамматических признаков, как возвратность и переходность.

Заключение

В статье рассматривались экспериенциальные глаголы восприятия, мышления и эмоций. Сопоставлялись распределения глаголов этих трех групп с точки зрения грамматических свойств, которые можно интерпретировать в терминах семантической переходности. Таблица 13 (с. 89) отражает то, каким образом группы глаголов выстраиваются на основании этих признаков в порядке снижения степени семантической переходности.

Таблица 13 показывает, что во всех иерархиях глаголы эмоций занимают последнее место и почти всегда демонстрируют значимые отличия от глаголов восприятия и мышления. Иными словами, по всем признакам глаголы эмоций как группа оказываются наименее семантически переходными.

¹⁷ Различия между глаголами восприятия и глаголами мышления, а также между глаголами восприятия и глаголами эмоций статистически значимы ($p < 0,001$ в обоих случаях).

Таблица 13

Иерархии групп экспериенциальных глаголов, основанные на грамматических признаках, связанных с семантической переходностью

Признак	Иерархия групп глаголов
Доля глаголов с подлежащим-экспериенцером	восприятие ≈ мышление > эмоции
Доля невозвратных глаголов среди глаголов с подлежащим-экспериенцером	мышление > восприятие >> эмоции
Доля субъектных глаголов среди соотносительных возвратных глаголов с подлежащим-экспериенцером	восприятие > мышление >> эмоции
Доля глаголов, предполагающих агентивность экспериенцера, среди циркумфиксальных глаголов	мышление ≈ восприятие > эмоции
Доля переходных глаголов среди невозвратных глаголов с подлежащим-экспериенцером	восприятие ≈ мышление >> эмоции
Доля возвратных глаголов среди глаголов с подлежащим-стимулом	мышление ≈ восприятие >> эмоции
Доля переходных глаголов НСВ, образующих пассив	мышление ≈ восприятие ≈ эмоции
Текстовая частотность пассивных глаголов	мышление ≈ восприятие > эмоции
Формальный тип (соотносительность и возвратность) глаголов с дативным экспериенцером	мышление >> восприятие >> эмоции

Между глаголами восприятия и мышления в большей части случаев не было обнаружено значимых различий. Тем не менее можно отметить, что первое место в иерархиях чаще занимают глаголы мышления, т. е. среди них систематически обнаруживается меньше глаголов, демонстрирующих грамматические отклонения от переходного кодирования, чем среди глаголов восприятия. Таким образом, в русском языке глаголы мышления в целом ведут себя как более семантически переходные, чем глаголы восприятия. Возможно, это различие связано с тем, что восприятие в большей степени, чем мышление, может выходить из-под контроля экспериенцера (см. обсуждение глаголов «ложного восприятия», таких как *мерещиться*, *привидеться*, *чудиться*, в разделе 4.4).

Как упоминалось в разделе 1.3, в типологических иерархиях группы экспериенциальных глаголов выстраиваются в следующем порядке от наиболее семантически переходных: восприятие > мышление > эмоции. Представленное в настоящей статье исследование показывает, что для русского языка может быть предложена следующая иерархия: мышление > восприятие > эмоции. То, что на основании грамматических свойств в иерархии для русского языка глаголы мышления оказываются более семантически переходными, чем глаголы восприятия, может быть связано как с тем, что в данном исследовании к сопоставлению был привлечен максимально широкий круг глаголов, так и с особенностями кодирования экспериенциальных ситуаций в русском языке.

Степень семантической переходности групп оценивалась на основании свойств глаголов, которые касаются их морфологического устройства (возвратность, наличие приставки), синтаксического поведения (переходность, способ оформления экспериенцера) или деривационных связей (формальный тип возвратного глагола, наличие пассива).

Многие из этих признаков имеют самостоятельный лингвистический статус и могут рассматриваться независимо от представлений о семантической переходности. Поэтому и вне предлагаемой здесь интерпретации эмпирическим результатом данного исследования является описание грамматических свойств трех групп экспериенциальных глаголов русского языка. В общетеоретическом плане обнаруженные различия между группами подтверждают идею о том, что существует в большой степени соответствующая ожиданиям и статистически обнаруживаемая связь между принадлежностью глагола к семантической группе и его грамматическими свойствами. В ряде случаев можно говорить о типичных для той или иной группы глаголов грамматических свойствах или деривационных отношениях. Наконец, существенно, что распределения разных признаков, в том числе не связанных друг с другом, складываются в единую картину. Это свидетельствует о том, что в основе разных грамматических механизмов кодирования ситуаций лежат общие семантические принципы, которые могут быть объединены в рамках понятия семантической переходности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян Ю. 1995 — Апресян Ю. Д. *Избранные труды: В 2 т. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. [Apresjan Yu. D. *Izbrannye trudy: V 2 t. T. II: Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected works: In 2 vol. Vol. II: Integrated description of language and systematic lexicography]. Moscow: Shkola "Yazyki Russkoi Kul'tury", 1995.]
- Апресян В. 2013 — Апресян В. Ю. Семантика эмоциональных каузативов: статус каузативного компонента. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы международной конференции «Диалог-2013»*. Вып. 12 (19). М., 2013, 43–57. [Apresjan V. Yu. Semantics of emotional causatives: The status of the causative component. *Komp'yuternaya lingvistika i intelektual'nye tekhnologii. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog-2013»*. Issue 12 (19). Moscow: 2013, 43–57.]
- Апресян В. 2015 — Апресян В. Ю. Валентность Стимула у русских глаголов со значением эмоций: связь семантики и синтаксиса. *Русский язык в научном освещении*, 2015, 1: 28–66. [Apresjan V. Yu. The valency of stimulus in Russian psych-verbs: Semantics-syntax interface. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2015, 1: 28–66.]
- Бонч-Осмоловская 2003 — Бонч-Осмоловская А. А. *Конструкции с дативным субъектом в русском языке*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2003. [Bonch-Osmolovskaya A. A. *Konstruktsii s dativnym sub'ektom v russkom yazyke* [Dative-subject constructions in Russian]. Ph.D. diss. Moscow: Moscow State Univ., 2003.]
- Булыгина 1982 — Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке. *Семантические типы предикатов*. Селиверстова О. Н. (ред.). М.: Наука, 1982, 7–85. [Bulygina T. V. Towards a typology of predicates in Russian. *Semanticheskie tipy predikatov*. Seliverstova O. N. (ed.). Moscow: Nauka, 1982, 7–85.]
- Зализняк Анна 1992 — Зализняк Анна А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München: Otto Sagner, 1992. [Zaliznyak Anna A. *Issledovaniya po semantike predikatov vnutrennego sostoyaniya* [Studies in semantics of internal-state predicates]. München: Otto Sagner, 1992.]
- Кибрик 2004 — Кибрик А. Е. Когнитивное разнообразие предикатно-аргументных структур и языковые стратегии их унификации. *Международный симпозиум «Типология аргументной структуры и синтаксических отношений»*. Комри Б., Суйхконен П., Соловьев В. Д. (ред.). Казань: Отечество, 2004, 16–19. [Kibrik A. E. Cognitive diversity of predicate-argument structures and linguistic strategies of their unification. *Mezhdunarodnyi simpozium «Tipologiya argumentnoi struktury i sintaksicheskikh otnoshenii»*. Comrie B., Suihkonen P., Solov'ev V. D. (eds.). Kazan: Otechestvo, 2004, 16–19.]
- Кибрик 2005 — Кибрик А. Е. К проблеме ядерных актантов и их «неканонического кодирования»: свидетельства архинского языка. *Константы и переменные языка*. Кибрик А. Е. СПб.: Алетейя, 2005, 332–368. [Kibrik A. E. On core arguments and their "non-canonical marking": Evidence from Archi. *Konstanty i peremennye yazyka*. Kibrik A. E. St. Petersburg: Aletheia, 2005, 332–368.]

- Князев 2007 — Князев Ю. П. *Грамматическая семантика: русский язык в типологической перспективе*. М.: Языки славянской культуры, 2007. [Knyazev Yu. P. *Grammaticheskaya semantika: russkii yazyk v tipologicheskoi perspektive* [Grammatical semantics: The Russian language in typological perspective]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2007.]
- Кустова 1998 — Кустова Г. И. Производные значения с экспериенциальной составляющей. *Семиотика и информатика*, 1998, 36: 19–40. [Kustova G. I. Derivative meanings with an experiential component. *Semiotika i informatika*, 1998, 36: 19–40.]
- Кустова 2004 — Кустова Г. И. *Типы производных значений и механизмы языкового расширения*. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Kustova G. I. *Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of derivative meanings and mechanisms of linguistic expansion]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Кустова 2005 — Кустова Г. И. О семантическом потенциале слов энергетической и экспериенциальной сферы. *Вопросы языкознания*, 2005, 3: 53–79. [Kustova G. I. On the semantic potential of words belonging to energetic and experiential sphere. *Voprosy Jazykoznanija*, 2005, 3: 53–79.]
- Кустова 2012 — Кустова Г. И. Дательный падеж. *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. На правах рукописи. М., 2012. [Kustova G. I. Dative. *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki*. As a manuscript. Moscow, 2012.] URL: http://rusgram.ru/Дательный_падеж.
- Кустова и др. 2005 — Кустова Г. И., Ляшевская О. Н., Падучева Е. В., Рахилина Е. В. Семантическая разметка лексики в Национальном корпусе русского языка: принципы, проблемы, перспективы. *Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы*. М.: Индрик, 2005, 155–174. [Kustova G. I., Lyashevskaya O. N., Paducheva E. V., Rakhilina E. V. Semantic annotation of lexemes in the Russian National Corpus: Principles, problems, perspectives. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: 2003–2005. Rezul'taty i perspektivy*. Moscow: Indrik, 2005, 155–174.]
- Летучий 2014а — Летучий А. Б. Между пассивом и декаузативом: русские модальные пассивы. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, т. X, ч. 3. Дмитренко С. Ю., Заика Н. М. (ред.). *Studia typologica octogenario Victori Khrakovskij Samuelis filio dedicata*. СПб.: Наука, 2014, 364–394. [Letuchiy A. B. Between passive and decausative: Russian modal passives. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*, vol. X, part 3. *Studia typologica octogenario Victori Khrakovskij Samuelis filio dedicata*. Dmitrenko S. Yu., Zaika N. M. (eds.). St. Petersburg: Nauka, 2014, 364–394.]
- Летучий 2014б — Летучий А. Б. Обобщения, ориентированные на исходную точку деривации vs. на продукт деривации в описании синтаксических процессов. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, т. X, ч. 2. СПб.: Наука, 2014, 292–328. [Letuchiy A. B. Generalizations oriented at the source vs. the product of derivation in describing syntactic processes. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*, vol. X, part 2. St. Petersburg: Nauka, 2014, 292–328.]
- Летучий 2016а — Летучий А. Б. Возвратность. *Материалы к корпусной грамматике русского языка. Глагол*. Ч. 1. Плунгян В. А. (ред.). СПб.: Нестор-История, 2016, 268–340. [Letuchiy A. B. Reflexivity. *Materialy k korpusnoi grammatike russkogo yazyka. Glagol*. Part 1. Plungian V. A. (ed.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2016, 268–340.]
- Летучий 2016б — Летучий А. Б. Переходность. *Материалы к корпусной грамматике русского языка. Глагол*. Ч. 1. Плунгян В. А. (ред.). СПб.: Нестор-История, 2016, 213–267. [Letuchiy A. B. Reflexivity. *Materialy k korpusnoi grammatike russkogo yazyka. Glagol*. Part 1. Plungian V. A. (ed.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2016, 213–267.]
- НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
- Падучева 2000 — Падучева Е. В. Наблюдатель как Эксперимент за кадром. *Слово в тексте и в словаре. Сборник статей к семидесятилетию Ю. Д. Апресяна*. Иомдин Л. Л., Крысин Л. П. (ред.). М.: Языки русской культуры, 2000, 185–201. [Paducheva E. V. Observer as Experimenter behind the scene. *Slovo v tekste i v slovare. Sbornik statei k semidesyatiletiju Yu. D. Apresyana*. Iomdin L. L., Krysin L. P. (eds.). Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000, 185–201.]
- Падучева 2001 — Падучева Е. В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке. *Русский язык в научном освещении*, 2001, 1: 52–79. [Paducheva E. V. The causative verb and decausative in Russian. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2001, 1: 52–79.]
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянских культур, 2004. [Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of lexis]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2004.]

- Перцов 2003 — Перцов Н. В. Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии. *Вопросы языкознания*, 2003, 4: 43–71. [Pertsov N. V. Reflexive passive forms of the Russian verb (in connection with the problem of existence in morphology). *Voprosy Jazykoznanija*, 2003, 4: 43–71.]
- РГ-1980 — Шведова Н. Ю. (гл. ред.). *Русская грамматика*. Т. I. М.: Наука, 1980. [Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkaya grammatika* [The Russian grammar]. Vol. I. Moscow: Nauka, 1980.]
- Сай 2010 — Сай С. С. Два подхода к семантике русских рефлексивных глаголов. *Проблемы грамматики и типологии*. Сб. статей памяти В. П. Недялкова (1928–2009). Выдрин В. Ф., Дмитренко С. Ю., Заика Н. М., Сай С. С., Сумбатова Н. Р., Храковский В. С. (ред.). М.: Знак, 2010, 303–318. [Say S. S. Two approaches to semantics of Russian reflexive verbs. *Problemy grammatiki i tipologii*. In memoriam V. P. Nedjalkov (1928–2009). Vydrin V. F., Dmitrenko S. Yu., Zaika N. M., Say S. S., Sumbatova N. R., Xrakovskij V. S. (eds.). Moscow: Znak, 2010, 303–318.]
- Тестелец 2001 — Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: Изд-во РГГУ, 2001. [Testeleets Ya. G. *Vvedenie v obshchii sintaksis* [Introduction to general syntax]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ., 2001.]
- Урысон 1998 — Урысон Е. В. Языковая картина мира vs. обиходные представления (модель восприятия в русском языке). *Вопросы языкознания*, 1998, 2: 3–21. [Uryson E. V. Linguistic image of the world vs. common-sense ideas. *Voprosy Jazykoznanija*, 1998, 2: 3–21.]
- Храковский 1991 — Храковский В. С. Пассивные конструкции. *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. Бондарко А. В. (отв. ред.). СПб.: Наука, 1991, 141–180. [Xrakovskij V. S. Passive constructions. *Teoriya funkcional'noi grammatiki. Personal'nost'. Zalagovost'*. Bondarko A. V. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 1991, 141–180.]
- Храковский 2016 — Храковский В. С. Глаголы памяти: семантика, прагматика, синтаксис. *Русский язык в научном освещении*, 2016, 2: 9–31. [Xrakovskij V. S. Verbs of memory: Semantics, pragmatics, syntax. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2016, 2: 9–31.]
- Шелякин 1987 — Шелякин М. А. Способы действия в поле лимитативности. *Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис*. Бондарко А. В. (отв. ред.). Л.: Наука, 1987, 63–85. [Shelyakin M. A. Aktionsarten in the field of limitativity. *Teoriya funkcional'noi grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis*. Bondarko A. V. (ed.). Leningrad: Nauka, 1987, 63–85.]
- Янко-Триницкая 1962 — Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М.: Изд-во АН СССР, 1962. [Yanko-Trinititskaya N. A. *Vozvratnye glagoly v sovremennom russkom yazyke* [Reflexive verbs in Modern Russian]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1962.]
- Beedham 1982 — Beedham Ch. *The passive aspect in English, German and Russian*. Tübingen: Gunter Narr, 1982.
- Bossong 1998 — Bossong G. Le marquage de l'expérient dans les langues d'Europe. *Actance et valence dans les langues de l'Europe*. Feuillet J. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1998, 259–294.
- Corbett 2010 — Corbett G. Implicational hierarchies. *The Oxford Handbook of Linguistic Typology*. Song J. J. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2010, 190–205.
- Dowty 1991 — Dowty D. Thematic proto-roles and argument selection. *Language*, 1990, 67: 547–619.
- Fedriani 2014 — Fedriani Ch. *Experiential constructions in Latin*. Leiden: Brill, 2014.
- Haspelmath 1993 — Haspelmath M. More on the typology of inchoative/causative verb alternations. *Causatives and transitivity*. Comrie B., Polinsky M. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1993, 87–120.
- Haspelmath 2001 — Haspelmath M. Non-canonical marking of core arguments in European languages. *Non-canonical marking of subjects and objects*. Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W., Onishi M. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2001, 53–83.
- Haspelmath 2015 — Haspelmath M. Transitivity prominence. *Valency classes in the world's languages: A comparative handbook*. Malchukov A. L., Comrie B. (eds.). Vol. 1. Berlin: Mouton de Gruyter, 2015, 131–147.
- Hopper, Thompson 1980 — Hopper P. J., Thompson S. A. Transitivity in grammar and discourse. *Language*, 1980, 56(2): 251–299.
- Kemmer 1993 — Kemmer S. *The middle voice*. Amsterdam: John Benjamins, 1993.
- Kemmer 1994 — Kemmer S. Middle voice, transitivity, and the elaboration of events. *Voice: Form and function*. Fox B. A., Hopper P. J. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1994, 179–230.
- Kustova et al. 2009 — Kustova G. I., Lashevskaja O. N., Paducheva E. V., Rakhilina E. V. Verb taxonomy: From theoretical lexical semantics to practice of corpus tagging. *Cognitive corpus linguistics studies*. Lewandowska-Tomaszczyk B., Dziwirek K. (eds.). Frankfurt: Peter Lang, 2009, 41–56.

- Lazard 2002 — Lazard G. Transitivity revisited as an example of a more strict approach in typological research. *Folia Linguistica*, 2002, 36(3–4): 141–190.
- Luraghi 2014 — Luraghi S. Plotting diachronic semantic maps: The role of metaphors. *Perspectives on semantic roles*. Luraghi S., Narrog H. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2014, 99–150.
- Malchukov 2005 — Malchukov A. L. Case pattern splits, verb types and construction competition. *Competition and variation in natural languages: The case for case*. Amberber M., de Hoop H. (eds.). London: Elsevier, 2005, 73–117.
- Næss 2007 — Næss Å. *Prototypical transitivity*. Amsterdam: John Benjamins, 2007.
- Onishi 2001 — Onishi M. Non-canonically marked subjects and objects: Parameters and properties. *Non-canonical marking of subjects and objects*. Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W., Onishi M. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2001, 1–51.
- Shibatani 1985 — Shibatani M. Passive and related constructions. A prototype analysis. *Language*, 1985, 61: 821–848.
- Shibatani 1998 — Shibatani M. Voice Parameters. *Typology of verbal categories: Papers presented to Vladimir Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday*. Kulikov L., Vater H. (eds.). Tübingen: Niemeyer, 1998, 117–138.
- Tsunoda 1981 — Tsunoda T. Split case-marking patterns in verb-types and tense/aspect/mood. *Linguistics*, 1981, 19: 389–438.
- Tsunoda 1985 — Tsunoda T. Remarks on transitivity. *Journal of Linguistics*, 1985, 21(2): 385–396.
- Verhoeven 2007 — Verhoeven E. *Experiential constructions in Yucatec Maya: A typologically based analysis of a functional domain in a Mayan Language*. Amsterdam: John Benjamins, 2007.
- Yu 2007 — Yu C. H. Resampling: A conceptual and procedural introduction. *Best practices in quantitative methods*. Osborne J. (ed.). Thousand Oaks (CA): Sage Publications, 2007, 283–298.

Получено / received 13.04.2018

Принято / accepted 11.12.2018